

Phenomenon of the Transnational State: Illusion or the Formed Reality

Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность

Andrey Nikolaevich Piatakov,
candidate Sci (Political), Leading Researcher of Center
of Political Studies, Institute of Latin America of RAS, Moscow
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Андрей Николаевич Пятаков,
кандидат политических наук, ведущий научный
сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Для цитирования. А.Н. Пятаков. Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 69—75.

Annotation. The article considers the economic and political tendencies connected with the world economy transnational sector's formation and functioning. The author assumes that the nowadays growing transnational corporations' role can't but build certain political and social institutes upon itself. It allows affirm the formation of the transnational state phenomenon, existing «atop» and over the traditional national states» world system. At the same time, the traditional state generic properties are inherent also to the transnational state. The author tries to expose it on a number of concrete examples.

Key words: transnational capitalism, transnational corporations (TNC), global contradictions, transnational state and its components

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и политические тенденции, связанные с формированием и функционированием транснационального сектора мировой экономики. Автор полагает, что в настоящее время растущая роль транснациональных корпораций не может не надстраивать над собой определенные политические и социальные институты. Это позволяет говорить о формировании феномена транснационального государства, существующего «поверх» и над традиционной мировой системой национальных государств. При этом родовые свойства традиционного государства присущи и транснациональному государству. На ряде конкретных примеров автор пытается показать это.

Ключевые слова: транснациональный капитализм, транснациональные корпорации (ТНК), глобальные противоречия, транснациональное государство и его компоненты

Один из базовых императивов, стоящих в нынешнюю эпоху перед общественной наукой, заключается в том, чтобы составить адекватное научное представление о современном обществе. Понятие «общества» следует рассматривать в широком понимании: как синоним человечества, то есть как глобальное общество. Подобная трактовка редко используется в научных исследованиях, но именно она наиболее адекватна анализу современной эпохи.

Безусловно, популярности такого широкого понимания общества мешает тот факт, что человечество внутренне не едино, не есть целостный субъект, поэтому трактовка общества как человечества выглядит преждевременной. Целесообразной она представляется потому, что может выступать инструментом и фактором общественного движения к будущему

единству человеческого общества, то есть коммунизму. Расширенное понимание общества представляется принципиальным в процессе положительного определения коммунизма, в рамках которого «стратегическая перспектива человечества не может больше сводиться лишь к отрицанию капитализма» [7, С. 279].

Ключевым теоретическим действием в осмыслении современной эпохи является выделение фундаментальных противоречий современности. Нынешняя эпоха есть сложный комплекс противоречий, в котором можно и нужно выделить базовое противоречие. Сделать это — значит нащупать основной нерв современного общества.

В книге «Логика Истории» выдающийся советский философ-марксист В.А. Вазюлин,

описывая противоречивый характер капитализма на монополистической стадии¹, так описал комплекс базовых противоречий современности: «На стадии монополистического капитализма происходит резкое обострение противоречий капитализма. Это вытекает из самой природы капиталистической монополии. Речь идет прежде всего и главным образом о противоречиях между капиталистами и рабочими, между монополиями, между монополистическим и немонополистическим капиталом, между монополиями и слабо развитыми зависимыми странами» [1, С. 317]. В данном фрагменте теоретически зафиксирован спектр общих противоречий, характеризующих капитализм. Это не отменяет того, что в разные циклы динамического развития современного капитализма на передний план выдвигается одно из указанных противоречий, то есть какое-то противоречие становится главенствующим. Попробуем определить, какое же противоречие к концу второго десятилетия XXI века можно рассматривать как ключевое.

Безусловно, глубинным противоречием капитализма является противоречие между трудом и капиталом, выступающее фундаментальным и основополагающим для капитализма в целом. По аналогии с понятиями «класс-для-себя» и «класс-в себе» можно говорить о «противоречии-для-себя» и «противоречии-в-себе». В данный исторический момент противоречие между трудом и капиталом не выступает «противоречием-для-себя» и находится в неактуализированной, латентной форме. Это не означает, что оно перестало определять основной внутренний конфликт капитализма, хотя на «поверхности» это может проявляться как «исчезновение» данного противоречия. Противоположность между трудом и капиталом в настоящее время еще недостаточно созрела и не приобрела характер собственно противоречия — стадии открытого конфликтного взаимодействия противоположностей. В данный момент это противоречие существует как сущностное противоречие-в-себе.

В современных исследованиях популярна точка зрения, будто разграничение на правых и левых потеряло актуальность. Между тем данная дихотомия, начиная еще с Великой Французской революции, есть концептуально-

идеологическое отражение противоположности между трудом и капиталом. Объяснить массовый отказ от классового подхода и производных от него концептуальных делений причинами сугубо субъективными было бы упрощением. Объективно за этим кроется латентный характер противоречия между трудом и капиталом. С точки зрения современных политологов это противоречие *уже потеряло* свою актуальность, с нашей — *еще не приобрело ее*.

Итак, в современном глобальном капитализме противоречие между трудом и капиталом остается базовым, но еще не получило адекватного проявления в общественной жизни, не стало противоречием-для-себя. Пока не назрело фронтального столкновения между глобальным трудом и глобальным же капиталом, определяющую роль в динамике современного капитализма играет определенная сторона этого противоречия. Какая? Из диалектики мы знаем, что в каждом противоречии есть ведущая и подчиненная его сторона. Сейчас ведущей стороной данного базового противоречия оказывается сторона капитала, и именно внутри него нужно искать ключевое противоречие эпохи. Когда ведущей стороной станет «глобальный труд», это будет означать вхождение человечества в новую революционную эпоху. Итак, какое противоречие внутри самого капитала оказывается пока непосредственно определяющим и составляет специфику современной эпохи?

Ведущей глобальной тенденцией, опосредующей и выражающей это противоречие, является противостояние между нарастающей транснационализацией мировой экономики и политики с определяющей ролью частного капитала, с одной стороны, и попытками региональной и всемирной консолидации государственно-капиталистических — с другой [8]. Оно имеет ряд конкретно-исторических проявлений. В этой плоскости разворачивается противостояние между США и Китаем. В частности, КНР создает альтернативные Бреттон-Вудской финансовой системе механизмы. Основанный в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (включает более 80-ти стран), бросает вызов таким глобальным кредитным институтам, как Всемирный банк и МВФ. Инициатива «Нового Шел-

кового пути» — попытка переформатирования глобальных торговых маршрутов с учетом интересов КНР и создания альтернативы инициативам продвижения транснационального частно-корпоративного капитала. Набирающее силу соперничество между США и КНР свидетельствует, что азиатский гигант становится фактором глобальных «альтернативных» преобразований: БРИКС возник как попытка объединения в мировом масштабе сил государственно-капиталистической ориентации, а переговоры по Тихоокеанскому и Трансатлантическому партнерствам были попыткой глобальной консолидации сил транснационального капитала. Даже в конфликте в Сирии опосредовано столкновение этих тенденций, но уже в военно-политической сфере.

Прежде чем перейти к предмету статьи, целесообразно для обоснования основной теоретической гипотезы на ряде примеров показать масштаб транснационализации. Начнем с количественного аспекта. Обращает на себя внимание экспоненциальный рост числа ТНК: 1939 г. — 30, 1976 г. — 11 тыс. (с 86 тыс. зарубежных филиалов), 1991 г. — 35 тыс. (150 тыс. филиалов), 2000 г. — 63 тыс. (630 тыс. филиалов), 2008 г. — 80 тыс. (810 тыс. филиалов) [18]. К 2013—2014 г. количество ТНК варьируется от 90 до 100 тысяч. Что касается качественного веса, то ТНК обеспечивают 50% промышленного производства в мире и контролируют 70% «торговли» [5]. О вкладе ТНК в глобальную экономику можно судить из следующих фактов. По данным ВБ, мировой ВВП увеличился с 63,19 трлн. долл. (2010) до 69,98 трлн. долл. (2011) [2], т. е., мировая экономика выросла на 10,7%. Какое государство (или группа), обеспечили такой рост, да еще в условиях начавшегося в 2008 г. мирового кризиса? Среднемировой рост ВВП (213 стран) составил в 2011 г. лишь 3,6%. Откуда такое несоответствие? Ответ находим в докладе UNCTAD: «В 2011 году зарубежные филиалы ТНК обеспечили занятость примерно 69 млн человек, которые генерировали объем продаж в размере 28 трлн долл. и добавленную стоимость в 7 трлн долл., что примерно на 9% больше, чем в 2010 году» [4, С. 7]. Эта сумма, сгенерированная ТНК, и есть разница между мировым ВВП в 2010 и

2011 гг.. Получается, что мировой рост обеспечили 69 млн работников ТНК. Мировая экономика развивается силами 1,5% мирового населения (хотя ассоциировано с ТНК раз в десять больше).

Другой аспект — концентрация транснационального капитала. В начале XXI в. в мировой экономике наблюдался бум слияний и поглощений ТНК (M&A). Волна концентрации транснационального капитала растет из года в год. Если в 2003 г. объем M&A составил 19 млрд долл., то в 2007 г. — уже 124 млрд. Уже в 2011 г. сделок было заключено на 526 млрд долл. (на 53% больше, чем в 2010 г. [26]). Неуклонно растет и количество мегасделок M&A. В 2004 г. был преодолен рубеж в 1500, и после этого показатель уже не снижался. К 2016 г. их число увеличилось до 6607 единиц на сумму в 887 млрд [27]. Налицо последовательный количественный и качественный рост транснационального сектора. Общеизвестен факт о превосходстве ТНК над многими государствами по экономическому масштабу. Чего стоит заявление основателя Facebook после взлета акций: а не купить ли ему Грецию? [6]

Мы имеем дело с новым типом капитализма — транснациональным. Концепция транснационального капитализма (ТК) сменяет прогрессивную в XX в., но недостаточную уже в XXI-м, теорию периферийно-зависимого капитализма. В рамках ТК сохраняется деление мирового капиталистического хозяйства на центр и периферию, отражаемое теорией зависимого развития. Но конкретное содержание этого деления меняется. С точки зрения концепции ТК открывается возможность определить центр и периферию мирового капитализма не географически, а политэкономически. Если раньше структурными элементами как центра, так и периферии системы капитализма были отдельные страны или их группировки, то в условиях ТК роль ведущего субъекта мировой экономики и глобального центра все больше переходит к материнским компаниям ТНК, роль ближней периферии — к зарубежным филиалам тех же корпораций, а роль периферии дальней — к ассоциируемым с ними или зависимым от них формам «мелкого» и «среднего» бизнеса, на деле также

монополизированного, но в «превращенных» формах аутсорсинга, «заемного труда», сверхэксплуатации иммигрантов и т.д.

Здесь мы переходим непосредственно к предмету настоящей статьи — феномену транснационального государства (ТГ). Каковы следствия роста экономической мощи ТНК в политическом плане? Современный мир представляется как мозаика национальных государств, как политическая карта мира в масштабе 1:1. Но такое представление уже устарело. Нужно создавать новую — политико-экономическую — карту, на которой наряду с территориями государств будут обозначены сферы влияния тех или иных ТНК. Нередко они оказываются в мировой политике важнее, нежели границы государств.

Растущий транснациональный капитал формирует поверх традиционной (в устоявшейся политологической терминологии — «Вестфальской») международной системы новую, отчасти невидимую, политико-экономическую структуру. Мощная транснациональная составляющая мировой экономики не может не генерировать над собой и политическую надстройку. «В 70-е годы прошлого века на роль ведущей силы мирового капитализма начали выдвигаться гигантские ТНК ... Не случайно именно в эти годы создаются транснациональные консультативные органы, такие как ВЭФ, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб — первые зачатки политической надстройки над транснациональным же базисом» [21, С. 23].

При описании данной формирующейся политической надстройки часто используют расплывчатые и в общем некорректные понятия («мировое правительство», «корпоративные элиты»; нередко рассуждают на уровне некой «теории заговора»). В осмыслении данного феномена имеет место гносеологический кризис, проявляющийся в отсутствии адекватного категориального аппарата. Понятия, используемые при описании новой реальности, не отражают ее. Это объясняется и субъективными, и объективными причинами. Корпоративный сектор достаточно замкнут и не склонен афишировать информацию о себе. Объективно же мы имеем дело с еще формирующейся реальностью. Еще не вполне оформлены сами институты транснациональной

политической надстройки, проявляются лишь отдельные признаки. Другая объективная причина — известная марксизму тенденция к отставанию общественного сознания, в частности научного, от общественного бытия. Поэтому этот феномен остается «невидим» для научного анализа и тем более для обычного сознания (обоснование познавательной ограниченности последнего см. в трудах [15,16,17,18]). Формируется новая реальность, для познания которой пока нет адекватного аналитического аппарата.

Впрочем, есть более или менее удачные попытки концептуально осознать эту реальность. Например, концепция США как «кластера транснациональных элит», проводимая российским политологом А.И. Фурсовым. В западной и особенно латиноамериканской политологической мысли сейчас активно используется термин «СЕОкратия» (от английского Chief Executive Officer (CEO) — топ-менеджеры крупных ТНК) [24], т.е. «корпоратократия» или «менеджерократия». Входит в моду понятие «deep state» (глубинное государство), но в самой формулировке есть неопределенность, выдвинутый в режиме поиска адекватного термина. Непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике имеет концепция «транснационального капиталистического класса», выдвинутую канадцем Р. Кохом и британцем Л. Склярсом [3, 13]. В российской политологии этот подход последовательно проводится российским ученым А.Б. Рахмановым [9, 10, 11, 12, 14]. В концепции акцент делается на субъекте ТК. Мы же предлагаем остановиться на институциональном аспекте, т.е. какие институты формируются в ходе развития ТК.

Наиболее адекватным при описании такой институциональной политической надстройки ТК стал бы термин «транснациональное государство» (ТГ). Он содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, мы говорим о чем-то принципиально новом, но используем при этом «старый» термин «государство». Речь идет, скорее, о парагосударстве (или метагосударстве), но это тонкости, в которые пока вряд ли целесообразно вдаваться. Если же попытаться проанализировать ТГ в рамках классического понятия «государство», то можно выявить его структуру, сходную с традиционной.

В нем можно обнаружить ряд компонентов национального государства: 1) политические структуры, принимающие решения, и исполняющий эти решения собственно бюрократический аппарат; 2) судебная система; 3) социальные институты; 4) военные и полицейские органы принуждения. «Примерить» эти компоненты к феномену ТГ. Функционируют политические институты, которые пока мало изучены из-за закрытости. Сюда можно отнести известный Бильдербергский клуб, ВЭФ, где ежегодно собирается транснациональная элита и порой принимаются решения глобального масштаба. Это центры принятия решений. Аналогом бюрократической машины национального государства выступают полуменеджерские-полубюрократические структуры международных финансово-экономических организаций типа МВФ, ВБ, ВТО, интеграционных объединений, в первую очередь ЕС (получившая печальную известность «брюссельская бюрократия»). Что касается экономической составляющей феномена ТГ, то ее ткань формируют комплексы ТНК (см. выше). Центрами принятия глобальных экономических решений здесь выступают ВБ, МВФ и ВТО. Впрочем, их решения имеют и политический эффект. Например, решение по кредиту той или иной стране, может иметь политические следствия (оказать влияние на исход выборов). Поэтому их функциональность не сводится исключительно к экономике, а относится одновременно и к первому типу, т.е. эти институты входят в состав политической бюрократической надстройки ТГ.

Ведущей судебной инстанцией ТГ можно считать Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID). Он служит ярким примером нарастание в начале XXI в. конфронтации между государствами и ТНК. Исходно ICSID — главная судебная инстанция, созданная при ВБ еще в начале 60-х гг. по решению споров между ТНК и государствами. В первые 30 лет функционирования в нее не было подано ни одного иска (!), ставился вопрос о ее закрытии. Но потом что-то произошло. В период с 1987 по 1999 гг. в ICSID было подано 38 исков. Между 2000 и 2012 гг. — 480!!! [22] Сейчас организация

процветает, причем большинство исков решается в пользу ТНК.

При описании социальных институтов ТГ мы вступаем в поле относительной невидимости. Транснациональные элиты создают свою жилищную инфраструктуру, сектор социального обеспечения, стандарты потребления и т.п. (ряд аспектов исследован в трудах А.Б. Рахманова). Приведем пример на латиноамериканском опыте. После госпереворота в Гондурасе в 2009 г. крупные ТНК стали скупать земли с целью создания урбанистических проектов под названием «модульные города» [24], своего рода «урбанистические латифундии или анклавов XXI века». Суть сводилась к тому, что на огромных территориях строились полностью автономные феодально-городские комплексы, предназначенные для проживания топ-менеджеров не только местной, но и мировой корпоративной элиты. При этом города обладали как инфраструктурной, так и юридическо-правовой автономностью (планировалось, что на территории городов будет иметь силу свое уголовное и гражданское право, отличное от национальных юридических норм страны пребывания). Правовой порядок в транснациональных анклавах должен был обеспечиваться частной охраной и частной полицией. Эти анклавов формировались в режиме «государства в государстве». В 2010—2012 гг. имелась информация о начале строительства «модульных городов». Завершен ли проект на настоящий момент — вопрос открытый, так как информация о нем исчезла. Логика процесса подсказывает, что число подобных проектов должно расти. К тому же типу создания «социальной среды» для транснациональной элиты можно отнести строительство насыпных островов в Дубае, Катаре и других регионах мира, но о них также очень мало информации. Сколько анклавов поселения транснациональной элиты уже построено — можно только предполагать, но факт остается фактом: заявка и запрос на создание транснациональной социальной среды существуют, и фактически это вопрос времени.

Что касается военной сферы ТГ, то здесь институтами выступают военные базы и частные военные корпорации. Базы США

и НАТО — это военная машина глобального распространения (их объекты находятся в более чем 100 странах мира). Функционально это — транснациональный военный аппарат подавления. В большинстве исследований, не говоря о СМИ, данные базы квалифицируют как национальные, т.е. «базы США» или их союзников.

Если приглядеться к самому феномену современных США, то обнаруживается, что «национальная» принадлежность — лишь видимость, сущность же сугубо транснациональная. США давно перестали быть — если были когда-либо — традиционным национальным государством, и квалификация их в качестве такового представляет собой теоретическую ошибку. Российские исследователи резонно отмечали: «Такое положение ставит перед нами вопрос: *кто* собственно, господствует в этой системе — США как политическое и экономическое целое или транснациональные корпорации, *использующие* США, как и другие государства, в *своих* интересах? Не перестает ли на наших глазах единственная сверхдержава быть *сверхдержавой* и не превращается ли в сверхрезиденцию транснациональной олигархии и мирового сверхжандарма на ее службе?» [21, С. 25]. Эту трактовку можно слегка расширить и квалифицировать США как резиденцию основного ядра транснационального капитала в целом, что перекликается с подходом А.И. Фурсова, трактующего США как «кластер транснациональных корпораций» [20].

Когда речь идет о военных базах США, которых в мире насчитывается порядка 800 [25], то более адекватным было бы говорить о военной машине ТГ, нежели о формах иностранного военного присутствия национального государства. Любопытно, что феномен такого рода баз также имеет тенденцию к преодолению открытых форм военного присутствия. США очень стараются сделать данный феномен невидимым для общественного сознания в информационном пространстве. Проиллюстрировать это можно на латиноамериканском опыте, на чем мы остановимся в следующей статье.

Подытоживая, отметим, что в данной статье предпринята попытка интерпретации и анализа феномена, во многом пока скрытого от общественного и научного сознания, прежде всего ввиду закрытости самих транснациональных структур. В настоящее время речь идет о выдвигании гипотез, которые могут быть подтверждены, уточнены или опровергнуты в зависимости от поступления эмпирического материала. Комплексный анализ феномена транснационального государства — дело будущего.

Продолжение следует.

Список литературы

1. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. Издание третье, исправленное и дополненное. Серия «Размышляя о марксизме», № 119, URSS, издательство ООО «ЛЕНАНД», Москва, 2015. С. 317.
2. Всемирный Банк: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=graph>
3. *Добреньков В.И. Рахманов А.Б.* Социология глобализации. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2014. 663 с.
4. Доклад о мировых инвестициях, UNCTAD, 2012 (издание на русском языке), стр. 7.
5. *Кизим А.А., Козырь Н.С.* Интернационализация бизнеса: транснациональные корпорации, эволюция подходов. / *Экономика и бизнес.* 2011. № 1 (5).
6. «Коммерсант», 18.05.2012 /<http://www.kommersant.ru/doc/1938522>
7. *Пателис Д.* О ранних и поздних социалистических революциях в свете Логике Истории. О теоретической и практической актуальности социализма. «CREDO NEW Теоретический журнал», № 2. 2011. С. 279.
8. *Пятаков А.* Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, № 1, т. 62. С. 85—93. DOI: 10.20542/0131—2227—2018—62—1-85—93.
9. *Рахманов А.Б.* Женщины-миллиардеры в 2018 г.: гендерный анализ бизнес-элит ведущих стран мира. *Вопросы экономики*, 2018, № 8. С. 148—157.
10. *Рахманов А.Б.* Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ. ЭКО, 2017, № 10 (520). С. 62—84.
11. *Рахманов А.Б.* Капиталистический класс в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*, № 10, 2017. С. 16—34.

12. Рахманов А.Б. Капиталистический класс современного Китая. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* № 2. Т. 22. 2016. С. 62—83.
13. Рахманов А.Б. Концепция транснационального капиталистического класса в трудах в западной социальной мысли конца XX начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса). *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* № 2, 2015. С. 98—115.
14. Рахманов А.Б. Транснациональный капиталистический класс и образование: к критике концепций постиндустриального общества. *Университет в глобальном мире: новый статус и миссия.* Сборник материалов XI Международной научной конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, Социологический факультет, 2017. С. 221—222.
15. Сегал А.П., Кошель В.А. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания *«Международный академический вестник»* Междисциплинарный научный журнал, № 4 (10), 2015. С. 15—23.
16. Сегал А.П. Будущее и прошлое в зеркале здравого смысла. *Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС».* № 1 (13), 2018.
17. Сегал А.П. Проблемное поле исследования обыденного сознания. *Современные проблемы науки и образования.* № 6, 2013.
18. Сегал А.П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как продукт «викизации знания». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»,* № 2, 2016. С. 36—49.
19. Титов А.Н. Тенденции формирования транснациональных корпораций. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова,* 2011, № 4.
20. Фурсов А.И. Глобальный социально-экономический кризис, его причины, параметры, особенности протекания и вероятные сценарии дальнейшего развития. *Focus* № 1, 2017, <http://dynamic-of-civilizations.ru/zhurnal-focus-1/75-andrej-fursov-tezisy-vystupleniya.html>
21. Харламенко Е.Н., Харламенко А.В. «Многополюсный мир» или империалистическая глобализация. *Марксизм и современность.* № 3—4 (20—21), 2001.
22. América Latina en Movimiento, Ecuador, № 485, Mayo 2013 Источник в интернете: <http://alainet.org/publica/485.phtml>
23. Gauto M. CEOcracia: mitos y verdades // Portal Perfil.com, 2017, <http://www.perfil.com/noticias/columnistas/ceocracia-mitos-y-verdades.phtml>
24. Las «ciudades modelo» de Honduras, entre Hong Kong y Eurovegas. 22.09.2012. RTVE. // <http://www.rtve.es/noticias/20120922/honduras-podria-ser-primer-pais-del-mundo-crear-ciudades-privadas/564056.shtml>
25. Por qué EE.UU. tiene unas 800 bases militares por todo el mundo?, 31.05.2015. Russia Today // <https://actualidad.rt.com/actualidad/176300-ba-ses-eeu-mundo-causas>
26. World Investment Report. 2012. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2012_embargoed_en.pdf
27. World Investment Report. 2018. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf

¹ Тот факт, что переживаемая нами эпоха типологически относится к монополистическому (причем уже транснациональному) капитализму, для одних является аксиомой и чем-то само собой разумеющимся, для других – терминологическим рудиментом «устаревшего» марксизма. Объем и тематические рамки статьи не позволяют специально доказывать правомерность такой квалификации эпохи. Тем не менее некоторые факты и соображения в пользу нее читатель найдет в последующем изложении.